

тился посреди французов; напрасно он защищался, ему пришлось пасть под ударами. После убийства Факреддина французы отступили к Джедиле; вслед затем вся их конница подошла к Мансуру, сбила ворота и ворвалась в город. Мусульмане бежали направо и налево; король Франции проник до самого дворца султана, и победа, казалось, была уже на его стороне, как явились мамелюки-багариты¹, предводительствуемые Бибарсом, и вырвали победу у христиан; они с яростью напали на них и принудили отступить. Между тем подвинулась французская пехота, чтобы перейти через мост; если бы ей удалось такое предприятие, то поражение египетской армии и потеря города Мансура были бы неизбежны. Почь разделила обе стороны; французы в беспорядке отступили к Джедиле, оставив на месте 1500 убитых; они окружили лагерь стеной и рвом; их армия была разделена на два отряда, из которых менее значительный расположился на капале Ашмуц, а самый многочисленный — на главном рукаве Пила, который протекает мимо Дамьетты.

Тогда пустили голубя в Каир, сначала в тот момент, когда французы овладели лагерем Факреддина, и у него под крылом было письмо, возвещавшее об этом несчастье жителям: эта печальная новость повергла город в отчаяние, увеличенное прибытием беженцев; ворота Каира оставались всю ночь открытыми для приема их. Второй голубь с известием о победе над французами восстановил спокойствие в городе; радость сменила прежнюю печаль; все поздравляли друг друга со счастливым событием и давали публичные празднества.

Едва Туран-шах узнал о смерти отца Неджмеддина, как немедленно выехал из Хусн-Кейфа (на р. Тигр); он оставил город в сопровождении 50 всадников в 15-й день луны рамадана и прибыл в Дамаск к концу той же луны. Получив присягу от всех правителей городов в Сирии, он отправился далее в 27-й день луны шевая по дороге в Египет; известие о его прибытии ободрило

мусульман; смерть Неджмеддина не была еще обнаружена, служба у султана шла своим чередом; ему приготовляли стол, как бы живому, и все приказания давались от его имени. Государством управляла султанша, и в своем уме она находила средства для всего; узнав о прибытии Туран-шаха в Салиех, она отправилась туда и вручила ему верховную власть. Новый султан хотел явиться во главе войска и пошел в Мансуру, куда и прибыл в 6-й день луны залькаде (8 февраля 1250 г.).

Суда, отправляемые из Дамьетты, доставляли в лагерь французов всякого рода продовольствия в изобилии; в Пиле вода была в то время самая высокая (ошибка: потому что вода в Ниле поднимается на большую высоту в сентябре). Туран-шах приказал построить много судов и перевез их совсем готовыми в соседний канал Мегале; там они были спущены на воду, получили экипаж и стали в засаду. Когда небольшой флот французов появился перед устьем капала Мегале, мусульмане вышли и бросились на французов. Пока оба флота сражались, другие египетские суда прибыли из Мансуры и напали на французов; напрасно они пытались бежать; в этом деле было убито или взято в плен до тысячи христиан. Следствием такой победы было то, что 52 судна, наполненные продовольствием, были отняты, и плавание по Нилу и сообщение лагеря с Дамьеттой прервано; в войске христиан открылся страшнейший голод. Мусульмане окружили французов со всех сторон, так что они не могли ни идти вперед, ни отступить.

В первый день луны зильгиге (7 марта 1250 г.) французы захватили семь судов, но люди, находившиеся на них, имели счастье убежать. Несмотря на все превосходство египтян на Пиле, французы попытались еще раз отправить груз из Дамьетты, но его перехватили, и 32 судна были взяты и отведены в Мансуру в 9-й день луны зильгиге (16 марта); эта новая потеря довершила их бедствия: они предложили султану перемирие и отправили послов для переговоров. Эмир Зейнеддин и кади Бедреддин были назначены для сношения с ними. Французы предлагали сдать Дами-

¹ При Людовике IX отряд мамелюков состоял еще не более как из 800 человек